

АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А.А. Андреев

К ПРОБЛЕМЕ ДАРООБМЕНА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-БУХАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ПЕТРА I. НА ПРИМЕРЕ ПОСОЛЬСТВА КУЛИ БЕКА ТОПЧИ-БАШИ В 1716–1719 гг.¹

Обмен дарами в отношениях между людьми и человеческими коллективами представляет собой давнюю традицию. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что дарообмен сопровождал человека на протяжении всей его истории. Дарами обменивались семьи, семейно-родственные кланы, вожди племен или племенных союзов. Восприняв устоявшуюся в глубине народной культуры традицию, лидеры государств и представители властных структур использовали ее как содержательный элемент в установлении и поддержании атмосферы мира и согласия в отношениях друг с другом. При комплектовании состава предполагаемых подношений одаривающая сторона стремилась к тому, чтобы они демонстрировали состоятельность государства. Кроме того, они были призваны служить выражением соответствующего отношения страны, снаряжающей посольство с дарами, к принимающей стороне. Приемы и обмены дарами, несомненно, украшали полную интриг и хитросплетене-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00421 «Хивинские и бухарские ханские и посольские грамоты конца XVII — начала XVIII в. (перевод и подготовка к публикации)».

ний историю отношений между главами государств и внешне-политических ведомств разных стран. Следует также заметить, что и в настоящее время подарки или, как их принято называть теперь, сувениры являются одним из обязательных пунктов дипломатического протокола.

В данной статье поставлена цель на основе имеющихся источников рассмотреть проблему дарообмена в контексте отношений Российского государства с Бухарским ханством на рубеже XVII–XVIII вв. Таким образом, предметом исследования являются российско-бухарские отношения в период становления Российской империи. В качестве объекта выступает сам процесс дарообмена в процессе вышеуказанных политических контактов.

К моменту воцарения Петра Алексеевича на российском престоле уже был накоплен достаточный опыт дипломатических контактов со среднеазиатскими государствами, Хивой, Бухарой и даже с Балхом. По бытующему в отечественной историографии мнению, вышеупомянутые посольства могли «приезжать даже без видимых причин», просто «привезти привет соседу» [Посланник... 1986: 11]. Но если подобное могло иметь место в XVII столетии, то для начала XVIII в., времени петровских преобразований, характерна прежде всего рациональность и практичность, в том числе и по отношению к делам восточным.

С 1714 г. наблюдался всплеск интереса у российского государя к ханствам Средней Азии. В этот период планируется и снаряжается печально известная экспедиция князя Александра Черкасского, появляются проекты «подданства» Хивы и поворота русла Амударьи в сторону Каспийского моря.

Вероятно, сведения о миссии А.Б. Черкасского в Хиву стали известны и при дворе бухарского хана. Этим объясняется его вполне закономерное беспокойство относительно возможного появления русских отрядов непосредственно у границ Бухарского ханства. В 1717 г. он отправляет посла Кули Бека вместе с купцом Асан Бабой к русскому царю. Материалы фонда 109 РГАДА позволяют нам подробнее рассмотреть историю данного посольства.

Первым, с кем посол виделся, был Александр Черкасский, о чем последний и сообщил Петру I. И уже затем от царя в Сенат

поступило письмо следующего содержания: «Писал к нам ныне капитан от гвардии князь Александр Черкасский, что от Бухарского хана едет к нам посол. И когда оной приедет, тогда велите ево принять ласковее, и с чем он приедет, о том сообщите помянутому капитану князю Черкасскому. И по коих мест он там будет, по то время того посла задержите, и чтоб он дождался нас» [Гистория... 2004: 590]. Петр I считал необходимым лично увидеться и переговорить с бухарским посланником. Очевидно также, что цели посольства Кули Бек Александру Бековичу раскрыть не стал.

В Астрахани к послу был определен переводчиком и сопровождающим некий Кутлумбет-мурза Тевкелев [РГАДА. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 44], известный впоследствии как участник Персидского похода Петра I и как посол к казахам Младшего жуза для приведения их в подданство России. В документах начала XVIII в. он упоминается как Муртаза Тевкелев.

После непродолжительного пребывания в Москве посольство хана Кули Бека прибыло в Санкт-Петербург 26 июня 1717 г. С посланником было «ханских людей 35, ево посольских 15 человек, купчин 10 человек» [Там же]. Кули Бека приехали встречать на Троицкую пристань министры, сенаторы князя Я.Ф. и М.В. Долгорукие и Т.Н. Стрешнев. Дьяк Степан Неелов по приезду на пристань взшел на галеру и поприветствовал посла и купчину через переводчика Муртазу Тевкелева и объявил им, что он послан встретить их и проводить до назначенных им домов. Кули Бек и посланный с ним купец Асан слушали С. Неелова стоя и благодарили. Затем посланников разместили по трем каретам: отдельно для посла, для купчины и для упоминаемого с ними по документам «ахуна». Остальные сопровождающие шли рядом с каретами с ружьями и саблями. По прибытии в выделенные посольству апартаменты на Дворянской улице в знак вежливости и благодарности за встречу купчина и двое помощников посла проводили С. Неелова до кареты и лишь затем вернулись в свои дома [Сборник... 1879: 463].

3 июля к послу прибыл секретарь царя Петр Курбатов, он доставил посла в Сенат, где его предполагалось расспросить

о целях визита. Кули Бек отказался говорить о «важных секретных делах», ссылаясь на поручение от хана «донести о них лично царю» [Там же]. 11 июля сенаторы беседовали с купцом Асаном, который, в свою очередь, выдвинул ряд пунктов, по которым приехали договариваться бухарцы. Одним из самых важных был вопрос об освобождении бухарских купцов. Купец в Сенате озвучил следующее: «Которые Бухарской земли торговые люди Ево ханские подданные приезжают в Российское государство, а именно в Астрахань, для торгов, а иные поженясь и живут домами и тем бухарцам чинядца обиды и которые пожив в Астрахани несколько лет хотят ехать паки в Бухары тех не отпускают, а в Бухарские земли русские купцы торгуют свободно и безпошлинно и никакой им ни одной обиды не чинитца и отпускают всех из Бухарской земли без задержания. И что такожде и Бухарцам которые желают жить в Российском государстве [было бы] позволено торговати и жить свободно и безобидно. А которые захотят возвращаться в Бухарские земли отпускать не задерживая» [РГАДА. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 141 об.].

Об остальном послу все же пришлось поведать. В записке об аудиенции бухарского посла у русского царя содержатся подробные сведения о процедуре приема, который был оказан Кули Беку. В воскресенье 20 октября 1717 г. «поутру пред обедней изволил его Царское величество прийти в Сенат и указал у себя быть вышеозначенному послу и купчине на аудиенцию. Посла доставили на карете, принадлежавшей тайному советнику П.П. Шафирову о двух возницах и з двумя вершинниками. Для купчины была выделена карета царского секретаря П. Курбатова. Дары несть послано 12 человек солдат. Когда посол приехал к крыльцу, встретил его секретарь Курбатов. Царское величество изволил от верхних палат стоя против дверей на вышине и месте по обе стороны стояли министры, а подле министров чрез всю палату до самой двери стояли офицеры и царедворцы» [Сборник... 1879: 464].

Были соблюдены все формальности ритуала приема посольств. «Посол пришел к дверям и не входя в палаты учинил его Царскому Величеству поклонение став на колени и говорил

его царскому величеству Сеит Абдул Азиз Мухамет хан приказал кланяться» [Там же]. Потом случилось непредвиденное: участники посольства забыли взять на аудиенцию саму грамоту от бухарского правителя. Посол «потом хотел было лист изречения принести, есаул его несенного того листа не нашел и став на колени просил его царского величества прощения (после) принужден был послать для того листа на двор» [Там же]. Не обращая внимания на такое досадное недоразумение, Кули Бек зашел все-таки в палату и вновь «поклонился его Царскому Величеству» [Там же]. Затем, «став на колени, говорил, что хан его приказал его царскому величеству од себя поздравить счастливыми викториями одержанными над шведами» [Там же: 425]. Государственный вице-канцлер Шафиров спросил посла о здоровье бухарского хана, и после ответа приступили к вручению даров, коих, согласно имеющимся сведениям, было большое количество. Некоторые из них были столь оригинальны, что можно засомневаться в подлинности сведений о них в вышеуказанных исторических источниках.

Итак, согласно списку с Кули Бекем было прислано от хана: «4 лошади, 9 изарбафов, 36 овчин серых, 45 овчин черных, 18 рукавиц белых, 9 черенков от ножей, 9 ножей черенье писанные, 9 миткалей, 9 меллей, 9 бурметей, 2 сайдака, 2 лука, 18 колчанов, 2 обезьяны, 1 барс (но в Астрахани оных обезьян и барса у него посла не явлено), 1 кожа джулбарсовая, 1 чашка сердоликовая, 1 чашка (из кости единороговой)» [РГАДА. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 100 об.]. От себя лично посол преподнес в подарок трех лошадей. В качестве подарков в списке на первом месте фигурировали «9 человек русских ясырей» [Там же]. На аудиенции их, конечно, не было: они были освобождены еще в Астрахани, допрошены и отпущены на свободу. В свое время в «Сборнике князя Хилкова» приводился полный текст грамоты Абул-Феиз-хана, где говорилось о 36 русских пленных. В оригиналах документов, находящихся в РГАДА, упоминаются только 9.

После демонстрации подарков Петр вышел в другие палаты, а посол остался ждать, пока посыльные принесут забытую грамоту. К обеду, когда грамоту принесли, «Царское величество

вышел в палату, и посол лист царскому величеству понес на который свою руку, а государственный подканцлер принял и сказал послу, что Его Царское Величество выслушать перевод с того царского листа велит» [Сборник... 1879: 465]. Хан Кули Топчибаши прибыл с весьма ответственным поручением. В речи посла, которая была запротоколирована, приводятся пункты, по которым Петр I указал ответ дать.

«Слышно им, что его Царское Величество завоевал шведов несколько земель и получил викторию над шведом, а оных шведовских народов славят зело храбрыми. Того ради его ханская светлость просит из шведского народу девяти человек женского полу.

Просят 9 кречетов добрых ловчих.

Еще просят его ханская светлость, что слышится у них, что в Государстве здешнем делают сукна... самые добрыя всяких цветов, которые хотя масло зальются или грязи замараются в себя не пушают и цвета не переменяют, дабы несколько аршин оных для пробы к нему прислать.

Которые мусульманы гневом отягчены, оных для дружбы отпустить» [РГАДА. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 100 об.].

Любопытно, что первым пунктом была просьба поделиться шведским «ясырем», которая, естественно, не была выполнена. Первые три пункта действительно напоминают частые просьбы хивинских и бухарских правителей прошлого века о присылке диковинных подарков. Данная традиция сохранилась в Бухаре по причине того, что контакты с Россией у нее были не столь интенсивны и широки, как у Хивы, и тем более не наблюдалось замыслов каких-либо совместных проектов, как, например, строительство города на Тюк-Караганской пристани. Все вышеуказанные просьбы, по всей видимости, был «завесой». Кули Бек прибыл разузнать (по возможности) о планах Петра I относительно Хивинского и Бухарского ханств и похлопотать о бухарских купцах в Астрахани.

Бухарский посланник, во-первых, был осведомлен об экспедиции Александра Бековича Черкасского в Хиву. Более того, по прибытии в Астрахань он с ним встречался, о чем Кули Бек

и сообщил в Сенате. «Он посол виделся с ним князем Черкасским и сказал, ему чтоб он од хивинцев берегся, ибо они люди превратныя и чтоб над ним чего не учинили» [Там же: л. 215]. Во-вторых, еще по пути к Москве он уже знал о печальном исходе экспедиции. Из переписки его с президентом Иностранной коллегии, первым канцлером Гавриилом Ивановичем Головкиным мы узнаем, что правитель Бухары каким-то образом пытался помочь несчастным ее участникам: «Мой Государь послал в Хиву для того, что которые взяты з Бековичем... в полон чтобы тех взятых людей всех из Хивы прислали в Бухару... И ежели хан хивинский в неволю взятых русских людей не вышлет, то хочет сам мой Государь поднятца из Бухары в Хиву войском и о том изволил донести вашему царскому величеству» [Там же: л. 102].

Было ли это действительно намерением спасти плененных участников отряда Черкасского или дипломатической уловкой, сейчас сложно сказать. Впоследствии, как выяснил российский посланник в Бухаре Флорио Беневени, правитель Бухары действительно планировал идти войной на Хиву.

Сама личность посла Кули Бека тоже вызывает вопросы. В.Г. Воловников, ссылаясь на данные фондов РГАДА, пишет о том, что он о принятом в России «обычае и обхождении» был «весьма знающий» [Посланник... 1986: 13]. Известно, что его мать Дарья была русской пленницей в Бухаре и даже сохранила православное вероисповедание.

Одним из самых важных пунктов посольства Кули Бека было ходатайство о бухарских купцах. В ханской грамоте Абул-Феиз просил русского царя отпустить своих подданных, задержанных в Астрахани: «...ныне слышно мне учинилось, что некоторые мусулманы в Астарахане обжились, и оных по некоторым поклепным словам и неприятельским и неимоверным напрасно затеянным, оболгали и доносили вам на них, и вы соизволили гневом своим их отягчить; а ныне желаем, дабы сие мое докучное просительное писание прочитав, для нашего приятства и любви, оных бедных от гнева освободя, позволили отпустить в отечество их, чтоб оные, будучи в домах своих, как за вас, так за нас Бога молить могли. Мы же послали 36 человек (по списку при-

бывших с Кули Беком их было 9. — А.А.) русских полоняников из нашего двора к вам, для умножения дружбы нашей, и впрочем, яко верно доброжелательный слуга, вам обо всем явлюся по состоянию дружбы» [Сборник... 1879: 550].

Именно этот пункт обращает на себя внимание, и, к сожалению, о нем так мало говорилось в отечественной историографии. Правитель Бухары прежде всего беспокоился о своих подданных купцах, в меньшей степени — о хивинской миссии Бековича и уж тем более о присылке ему от российского государя подарков.

Петр I в условиях резкого ухудшения отношений с Хивой после неудачной миссии А.Б. Черкасского решает укрепить связи с Бухарским ханством и отпускает практически всех арестованных бухарских купцов. В его ответной грамоте было написано: «Что вы при грамоте своей к нам великому государю в цыдуле писали, внося прошение об освобождении изъ аресту Бухарцовъ, астраханскихъ жителей, держанных в Санктпетербурге за некоторые ихъ великие преступленія, и хотя те люди все за ихъ освидетельствованные вины достойны были смертные казни, однакожь мы, ради вашего о них заступлеия и прошения, от той казни их милостиво освободили и в дома их отпустить повелели. И хотя из них два человека, которые наипущие злодеи и в явной измене явились и необходимо за преступление свое смерть заслужили, но и их такожде от казни, ради оногo вашего предстательства, уволены и посланы на житье в некоторой нашъ городъ, где бы они вреду впредь учинить не могли, и велено ихъ в пропитанш довольствовать» [Там же: 552].

Здесь речь шла о заговорщиках в Астрахани, которые в 1714 г. вступили в сговор с калмыцким ханом Аюкой и выступили его посредниками в переговорах с турецким султаном. Планировалось совместно с кубанскими татарами и ногайцами захватить Астрахань и передать ее во владение османских правителей. О заговоре стало известно послу Шафирову, о чем он и донес в Петербург. Два бухарца (руководители заговора) были сосланы в Кольский острог на вечное житье, а всем мусульманам, жившим в России, на некоторое время было запрещено отправляться в паломничество в Мекку.

Одним из последних, но важных пунктов, о которых говорили и посол, и купчина, была просьба бухарского правителя о присылке ему «посла человека разумного» [РГАДА. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 195].

Посольство Кули Бека Топчи-баши, представляло собой уже полноценную дипломатическую миссию, преследовавшую политические цели. Традиционный обмен подарками и просьбы Абул-Феиз-хана о присылке ему различных «поминок» являли собой своеобразную «ширму». Топчи-баши в итоге своей миссии решил практически все задачи своего посольства. Были освобождены бухарские купцы, арестованные в Астрахани, ему разрешили закупить часть необходимого вооружения (еще с XVII в. было запрещено продавать в ханства Средней Азии огнестрельное оружие и порох), также он, по всей видимости, собрал необходимую информацию о хивинской экспедиции Александра Черкасского и планах Петра Великого относительно Средней Азии, о чем свидетельствует его дальнейшая интрига против Флорио Беневени в Бухаре.

Библиография

Гистория Свейской войны (поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова; под общ. ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 2.

Посланник Петра I на Востоке: посольство Флорию Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. / Под ред. М.Л. Вайс, Н.А. Халфина. М., 1986.

Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Список сокращений

РГАДА — Российский государственный архив древних актов